

## ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В МНОГОВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ВОЛГО-КАМЬЯ

© А.Б. Пичугин

### EVOLUTION OF THE PERM ANIMAL STYLE IN THE CENTURIES-OLD TRADITIONS OF THE PEOPLES IN CENTRAL RUSSIA AND VOLGA- KAMA REGION

Статья посвящена Пермскому звериному стилю – одному из древнейших и богатейших культурных проявлений в истории этносов России. Рассматривается проблема его эволюционного развития, объясняется его семантика и межкультурная взаимосвязь в этнографическом и археологическом ракурсах. Автор делает попытку связать древнейшие культурные проявления раннего средневековья Евразии с этнокультурными традициями народов Центральной России и Волго-Камья.

**Ключевые слова:** археология, семантическая значимость, культурное проявление, христианская культура, этнография, культовые предметы, этнокультурная эволюция, торговые отношения, миграционные процессы.

The paper focuses on the Perm animal style which is the one of the most ancient and most beautiful cultural manifestations in the history of the Russia ethnoses. The issue of his emergence is considered; its semantics and cross-cultural interrelation in the historical and archaeological relations are explained. Authors do attempt to connect the most ancient cultural manifestations of the Eurasia early Middle Ages with the modern ethnocultural traditions of the Volga and the Cis-Ural regions.

**Keywords:** archaeology, semantic importance, cultural manifestation, christian culture, ethnography, cult objects, ethnocultural evolution, trade relations, migratory processes.

Образы пермского звериного стиля – одного из самых сложных и высокохудожественных стилей Евразии – отложили свои отпечатки в культуре индоиранских народов. Они отражают культурные традиции, основные черты идеологии и социальной направленности его носителей. Говоря о пермском зверином стиле, различают две предметные направленности в его понимании – культовые предметы, имеющие обрядовое и религиозное значение, и вещи, имеющие функцию украшений или предметов быта (более поздняя его форма). Этот яркий высокохудожественный стиль, по мнению профессора А.М. Белавина, как и другие подобные раннесредневековые направления в искусстве (Печерский и Западносибирский стили), исходит из одной культурной платформы, сформировавшейся в Предуралье в I тыс. до н.э. (Белавин, 2001, с. 20).

Основой для этой платформы на начальном этапе его существования, по мнению Л.В. Чижовой (Чижова, 1987) и В.А. Оборина (Оборин, 1976, с. 16) послужил угорский компонент. Он и поспособствовал дальней-

шему развитию пермского звериного стиля в Прикамье. Семантической особенностью пермского звериного стиля в период его расцвета (ломоватовская культура; Голдина, 1985, с. 286, Спицин, 1902) являются космогонические образы и сюжеты, составляющие основу «трехчленного мира» – мира духов, мира людей и мира мертвых. Они представляют собой ажурные предметы мелкой металлической пластики, исполненные в технике литья с изображением лося, человеко-лося, ящера, водоплавающих и хищных птиц, оленя и коня, которые несут в себе глубокий сакральный смысл. Эта сакрализация прослеживается еще в ранних орнаментативных сюжетах ананьинской эпохи – круге или то, что с ним связано (как пример: круглые металлические бляшки, глиняные и костяные пряслица с изображением свернувшегося «в кольцо» животного, Оборин, 1976, с. 14). В ананьинскую эпоху круговой орнамент олицетворял собой границы «внутреннего» и «внешнего», являясь «хранилищем» личного порядка и сохранения от внешнего хаоса и разрушения.

С кругом или круглыми формами также связана семантика солнца, отражающая возрастание роли подсечного земледелия (Оборин, 1976) и женского начала (Токарев, 1992, с. 19).

Распространенным мифологическим образом в пермском зверином стиле является сюжет птицы с личиной человека на ее груди. Он, по всей видимости, олицетворяет человеческую душу и показывает общие урало-алтайские и угорские космогонические корни. Образ птицы-человека – наиболее древний в мировой мифологии. Он прослеживается в легендах, мифах, преданиях и представлениях иранской и индийской традиций. Этот образ распространен повсеместно на всей территории Евразии и относится многими исследователями к орнитоморфным идолам, которые находят свое отражение в культе птицы (Косарев, 1994, с. 188). Образ «крылатого Карса» или «небесного Карса» очень похож на образ птицы-человека и описывается в легендах народов ханты и манси. Он представляет собой мифологическую гигантскую птицу с человеческим лицом и большим клювом. Это существо, по преданиям, могло оказывать помощь человеку, а иногда, напротив, выступая в образе чудовища, разрушать целые селения (Бонгард-Левин, 1983, с. 129).

Культурные и религиозные заимствования угорских народов Западной Сибири принесены в Предуралье и Поволжье племенами ананьинской культурно-исторической общности в I тыс. до н.э. Именно эта культура воспроизвела в себе основы пермского звериного стиля.

Первыми документальными свидетельствами научного интереса к изучению проблемы на территории Прикамья являются исследования древнего некрополя вблизи с. Ананьино, произведенные управляющим Вятской удельной конторой П.В. Алабиным, К.И. Невоструевым и И.В. Шишкиным в 1858 г. При исследовании 48 погребений могильника, Алабин в своих заметках указал на его связь со скифами и датировал эти погребения I в. н.э. В советской исторической науке о связи ананьинской общности со скифо-сарматским миром писали такие исследователи, как В.А. Оборин (Оборин, 1976, с. 14), О.В. Данилов (Данилов, 1982), А.Х. Халиков (Халиков, 1977, табл. 1, 2). М.Ф. Обыденнова и Ф.М. Миннигулова выявили в образах копытных животных, хищных зверей, хищных и нехищных птиц ананьинской культуры (Васильев, 2002, с. 37) общие черты с искусством савроматов. Эти наблюдения говорят о тесных контактах населения Прикамья

с племенами скифского мира. Помимо этого, наличие среди ананьинских артефактов предметов ближневосточного и греческого происхождения говорит о тесных торговых связях с Причерноморьем и Кавказом. Благодаря этим связям, ананьинское бронзолитейное производство было известно далеко за пределами своего региона. Например, бронзовые кельты «ананьинской» работы встречаются на всей территории Западной Европы и Скандинавии (Кузьминых, 1983, с. 174).

По мнению К.И. Корепанова, под влиянием скифской культуры у ананьинской исторической общности сформировался свой местный культ волка, лося, медведя, птицы, солнца, дерева (Корепанов, 1990, с. 109). Это влияние у них прослеживается во многих изделиях мелкой пластики, керамики и изделиях из кости (Ашихмина, 2006, с. 24). В эпоху ананьинской культуры, по мнению многих исследователей, появились значительные изменения в организации общества (Збруева, 1954, с. 150; Голдина, 2004, с. 195.). В это время в регионе возникают имущественные расслоения, которые начинают напоминать «военную демократию», при которой сформировался класс элиты или дружины военачальников.

Стилистической основой для сюжетов и образов пермского звериного стиля, послужил, по мнению О.В. Данилова, культ коня и оленя, олицетворявших солнце. Причем этот культ складывался у ананьинцев под влиянием индоиранских народов. Между тем, В.А. Оборин полагал, что большинство сюжетов в ананьинском искусстве зародилось на местной основе (Оборин, 1976, с. 31). К ним можно отнести сюжеты птицы с личиной на груди и водоплавающей птицы. Появление культа коня в Волго-Камье можно объяснить большой значимостью этого животного в хозяйственной жизни ананьинских племен. В дальнейшем эти сюжеты послужили культурной и этнографической особенностью в прикладном и ювелирном искусстве средневековой Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии (Белорыбкин, 2006, с. 418). Так, металлическая пластика с изображениями птицы и лошади была очень популярна как на Руси, так и в Булгарии. Это подтверждается найденными археологами на территориях Волжской Булгарии (Хлебникова, 1963), и Северо-Восточной Руси (Рябинин, 1981, с. 48.) мастерских по производству зооморфных украшений. В этих регионах пермский звериный стиль, бытовавший на территории Евразии в эпоху раннего железа,

«затухает», не находя своего продолжения. По всей видимости, древние и более сложные финно-угорские космогонизмы (ящеры, человеко-ящеры, медведи и т.д), прослеживающиеся в родовых общинах, не находят себя в феодальных обществах Центральной Европы. Происходит их дальнейшая унификация. Северорусская и финно-угорская металлическая пластика ограничивается лишь несколькими животными образами – конем и птицей (Рябинин, 1981, с. 59).

Таким образом, в изделиях металлической пластики Восточной Европы прослеживается тенденция одночастных композиций. Такие изделия являются явным доказательством процесса эволюции и трансформации семантических образов, несущих в себе историческую и культурологическую основы. По ним можно проследить некоторую культурную взаимосвязь этносов Прикамья с чудью Приладожья, длившуюся на протяжении X–XII вв. (Рябинин, 1981, с. 59).

В этнографическом аспекте общие черты культурного влияния пермского звериного стиля на регионы центральной России проявляются в народной вышивке северорусских вышивальщиц, о чем упоминает В.А. Городцов (Городцов, 1926, с. 9). В частности, он делает акцент на общий для многих культур символизм птицы, дерева, солнца, воды и женщины. Семантическая значимость женщины прослеживается во всех культурах с глубокой древности. Персонаж женщины в культуре славян – частое явление. Он прослеживается в народной вышивке и может переходить из образа в образ. Символизм женщины с жестами адорации может переходить в композицию креста или храма. В данном случае общие черты храма как места для оберега нуждающихся в покаянии душ и женщины, раскинувшей руки, оберегающей или держащей узду всадников – суть одно и то же и являет собой пережитки язычества, которые по всей вероятности влились в христианскую культуру Северо-Восточной Руси без участия пермского звериного стиля. Роль женщины как одной из важнейших составляющих древнего финно-угорского мира, прослеживается и в археологических материалах Рождественского V и VI могильников, где богатые захоронения женщин-литейщиц наглядно показывают их высокий социальный статус (Старостин, 2009, с. 9). Мотив «двуглавого животного», который присутствует в семантике пермского звериного стиля, также нашел свое отражение в русской народной

вышивке, а археолог Б.А. Литвинский, изучая истоки изображений «божественных близнецов» Средней Азии, находит их в тагарском и таштыкском искусстве Южной Сибири (Литвинский, 1978, с. 117). Коньковые привески или парные протомы известны в раннесредневековой культуре Хазарии, по мнению Г.Г. Король, «как элемент особой группы салтовских древностей, возможно имеющий тюркский компонент в своем составе» (Король, 2007, с. 198). Проблему, отражающую синтез славянских и финно-угорских культурных элементов, наиболее полно и глубоко описал в своей книге «Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. Е.А. Рябинин (Рябинин, 1981).

Как было отмечено выше, унификация пермского звериного стиля перешла в зооморфный стиль с ограниченным числом сакрализации животных. Образ птицы вместо «культового» стал популяризованным. Этот образ нес одинаковый сакральный смысл среди племен муромы, мари и мокши, а образ водоплавающей птицы нашел себя в золотых и серебряных украшениях болгарского ювелирного искусства – желудевидных височных подвесках (Руденко, 2011, с. 220) и может говорить о продолжении древних традиций пермского звериного стиля только в несколько другом, измененном виде (Пичугин, 2011, с. 151). В связи с этим будет уместным провести общие черты между подвесками «уточками», опубликованными Обориным (Оборин, 1976, табл. 16а; Пермская область, датировка V–VI вв. н.э.) и Рябининым (Рябинин, 1981, с. 115, табл. XVIII, тип 1; Приладожье, датировка XI в.), где несмотря на широкую географию их локализации и существенной разницы в датировке, улавливаются их общие черты.

Таким образом, Пермский звериный стиль можно считать одним из основополагающих проявлений в формировании культуры этносов Евразии. Трехчленное деление мира и выделение в них сакрально-космогонических образов было распространено на обширных территориях Западной Сибири, Предуралья и Поволжья. Со временем под воздействием псевдофеодальных обществ перешедший за Урал пермский звериный стиль не находит здесь в первоначальном виде своего будущего. Происходит его упразднение, которое в дальнейшем изменит свое назначение и смысловой посыл с культового и ритуального на повседневный и традиционный. Следы этой унификации прослеживаются в этнографии народов коми, удмуртов, мордвы, мари, татар

и доходят до региона Костромского Поволжья. Они раскрывают лакуны межкультурных традиций Российского государства. Более обширное и детальное изучение проблемы пермского звериного стиля как одного из глав-

ных сателлитов в эволюции традиций народов Поволжья, Предуралья и Восточной Европы, предполагает выявление новых взаимосвязей между их прошлым и настоящим.

## ЛИТЕРАТУРА

- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006. 220 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М.: Изд-во «Мысль», 1983. 206 с.
- Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. Вып. I. М., 1926. 32 с.
- Белавин А.М.* Об этнической принадлежности Пермского средневекового звериного стиля // Тр. КААЭЭ. Вып. 1–2. Пермь, 2001. С. 14–24.
- Белорыбкин Г.Н., Зеленцова О.В.* Восточнофинские племена Среднего Поволжья. Мордва и Волжская Булгария // История татар с древнейших времен (в семи томах). Том II. Волжская Булгария и Великая степь / Ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ». 2006. 959 с.
- Васильев С.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирования). Дис... канд. ист. наук. СПб., 2002. 530 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т». 2004. 422 с.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Иркутск, 1985. 286 с.
- Данилов О.В.* Культ солнца у ананьинцев // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982. С. 59–61.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. 326 с.
- Король Г.Г.* Северокавказский всадник на парных конях: истоки иконографии и семантика // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 194–204.
- Корепанов К.И.* О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля // Взаимодействие древних культур. Пермь. 1990. С. 106–111.
- Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. Человек и природная среда. М.: Наука, 1984. 303 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1983. 258 с.
- Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. 216 с.
- Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь, 1976. 190 с.
- Пичугин А.Б.* Ислам как фактор формирования государственности Волжской Булгарии // Вестник Казан. технол. ун-та. 2011. Т.14. № 24. С. 151–152.
- Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
- Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука, 1981. 125 с.
- Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. Безобразова и Ко. 1902. 150 с.
- Старостин П.Н.* Рождественский V могильник / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 144 с.
- Токарев С.А.* Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа / Отв. ред. А.В. Иванов. М.: Наука, 1977. 266 с.

*Хлебникова Т.А.* Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII вв. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Фонд Р-2. № 1918. М., 1963.

*Чиждова Л.В.* Культурное литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1987. С. 121–134.

**Информация об авторе:**

**Пичугин Андрей Борисович**, соискатель, Казанский национальный исследовательский технологический университет; магистрант Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); p\_andre76@mail.ru

**Information about the author:**

**Pichugin Andrei B.**, applicant, Kazan national research technological University; graduate student of the Udmurt state University (Izhevsk, Russia); p\_andre76@mail.ru